

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.211.6.046-056

В. А. МикрюковМосковский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Пределы аналогии в установлении правовых последствий фиктивного развода

Резюме. В российской и зарубежной семейно-правовой реальности широкую распространенность приобрела практика нецелевого использования разводов. При общей внимательности права к фиктивным юридически значимым явлениям в условиях нормативной неопределенности понятия, признаков и последствий фиктивности расторжения брака требуется проверить и учесть возможности аналогии как традиционного средства восполнения правовых пробелов в частноправовом регулировании применительно к проблеме отсутствия законодательного регулирования юридических последствий фиктивных разводов. При этом метод аналогии может и должен выступить не только одним из объектов изучения, но и средством достижения научного результата. Исследование ставит и отвергает научную гипотезу об аналогичности нормативно не определенных последствий порочности каузы фиктивного развода и урегулированных последствий фиктивного брака. В то же время автор показывает активную положительную роль аналогии права в составе и средств урегулирования семейно-правовых споров, и методов противодействия недобросовестному поведению при расторжении брака без цели его прекращения. Значимость работы проявляется в ее способности доктринально поддержать воздержание законодателя от непосредственного нормативного закрепления критериев фиктивного развода, его недействительности. Одновременно с этим в статье указан путь ситуационного преодоления неопределенности рассматриваемого понятия с помощью аналогии права.

Ключевые слова: фиктивный брак; фиктивный развод; недобросовестное поведение; правовая неопределенность; аналогия закона; аналогия права.

Для цитирования: Микрюков В. А. Пределы аналогии в установлении правовых последствий фиктивного развода. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 6. С. 46–56. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.211.6.046-056

The Limits of Analogy in Establishing the Legal Consequences of a Fictitious Divorce

Viktor A. Mikryukov Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. In the Russian and foreign family legal reality, the practice of inappropriate use of divorces has become widespread. With the general attention of law to fictitious legally significant phenomena in the context of normative uncertainty of the concept, signs and consequences of fictitious divorce, it is necessary to check and take into account the possibilities of analogy as a traditional means of filling legal gaps in private law regulation in relation to the problem of the lack of legislative regulation of the legal consequences of fictitious divorces. At the same time, the method of analogy can and should act not only as one of the objects of study, but also as a means of achieving a scientific result. The study raises and rejects the scientific hypothesis about the similarity of the normatively undefined consequences of the depravity of the causa of a fictitious divorce and the regulated consequences of a fictitious marriage. At the same time, the author shows the positive role of the analogy of law as part of the means of settlement and family law disputes and methods of countering unfair behavior in marriage dissolution without the purpose of its termination. The significance of the work is manifested in its ability to doctrinally support the legislator's abstinence from direct normative consolidation of the criteria of a

© Микрюков В. А., 2024

fictitious divorce and its invalidity. At the same time, the article indicates the way to situationally overcome the uncertainty of the concept under consideration using the analogy of law.

Keywords: fictitious marriage; fictitious divorce; unfair behavior; legal uncertainty; analogy of the law; analogy of law.

Cite as: Mikryukov VA. The Limits of Analogy in Establishing the Legal Consequences of a Fictitious Divorce. *Lex russica*. 2024;77(6):46-56. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.211.6.046-056

Введение

На брачные статусы (брака либо развода) влияют многие факторы, включая генетические и даже экологические¹. Однако вне зависимости от страны решения о заключении брака, о продолжении оставаться в нем либо о его расторжении предопределяют зачастую исключительно экономические выгоды². Именно экономия за счет проживания в паре и объединения домохозяйств создает стимул к вступлению в брак, и наоборот, проблемы, связанные со свободным оборотом в сфере обеспечения домашних коллективных благ, могут привести к разводу³. При этом достаточно распространены ситуации, когда действительные супруги не отказываются от преимуществ ведения совместного супружеского хозяйства и не прекращают вести основанную на зарегистрированном браке семейную жизнь (рожают и воспитывают детей, помогают друг другу), но пытаются посредством формального расторжения брака достичь соответствующих имущественных улучшений, в том числе путем обретения доступа к социальным льготам и пособиям, т.е. разводятся фиктивно.

Поскольку право исторически испытывает потребность в квалификации фиктивных юри-

дически значимых явлений (фактов, состояний), особенно тех, которые вступают в противоречие с действующим законодательством⁴ или сопряжены с обходом закона⁵, постольку отсутствие прямого регулирования порядка и последствий установления фиктивности развода вызывает интерес к вопросу о возможности применения норм, регулирующих сходные (фиктивные) отношения (включая нормы о фиктивном браке) в порядке аналогии.

Гипотеза

Во всем мире фиктивные разводы, наряду с фиктивными браками⁶, стали одним из классических обходных способов решения обусловленных в основном экономическими причинами миграционных проблем, своего рода технологией повседневного пересечения границы (bordering)⁷, средством облегчения получения разрешения на временное проживание в иностранном государстве⁸. В Китае оформление временного (фиктивного) развода, нацеленного на то, чтобы избежать высоких ставок по ипотечным кредитам и налогообложения, является «негласным правилом» рынка недвижимости

¹ Marriage and divorce: A genetic perspective / B. A. Jerskey, M. S. Panizzon, K. C. Jacobson [at al.] // *Personality and Individual Differences*. 2010. Vol. 49. Iss. 5. P. 473–478.

² Weiss Y. Family Theory: Economics of Marriage and Divorce // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. 2nd ed. 2015. P. 829–834.

³ Barham V., Devlin R., Yang J. A theory of rational marriage and divorce // *European Economic Review*. 2009. Vol. 53. P. 93–106.

⁴ Танимов О. В. Развитие фикций в Новейшее время (опыт России) // *История государства и права*. 2014. № 16. С. 52–56.

⁵ Баранов В. М., Репьев А. Г. Общеправовой феномен «обход закона»: понятие и соотношение со смежными явлениями // *Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации*. 2023. № 5. С. 39–46.

⁶ Корнилова Т. В., Федорова А. В. Фиктивный брак как способ незаконной миграции // *Ius Publicum et Privatum* : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2022. № 4 (19). С. 87–96.

⁷ Wemyss G., Yuval-Davis N., Cassidy K. «Beauty and the beast»: Everyday bordering and «sham marriage» discourse // *Political Geography*. 2018. Vol. 66. P. 151–160.

⁸ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 17.06.2021 № 33-13092 (здесь и далее в статье, если не указано иное, нормативные документы и материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

городов, которые имеют ограничения на покупку недвижимости, таких как Шанхай и Пекин⁹.

Для России характерно стремление фиктивно прекращающих брак супругов решить считающийся «типичным российским» жилищный вопрос, в том числе путем доступа к участию в государственных жилищных программах, продвижения в очереди на получение социального жилья¹⁰. Имеет место практика фиктивных разводов для защиты от давления со стороны криминальных кругов¹¹.

В Испании супруги, имеющие детей дошкольного возраста, фиктивно разводятся, чтобы их дети получили места в лучших (наиболее удобных) школах (в соответствии с действующей системой баллов дети разведенных родителей получают два лишних балла, которые учитываются чиновниками органов образования при принятии решения о том, в какую школу определить того или иного ребенка)¹².

В США известность в научных кругах обрела серия судебных разбирательств, связанных с тем, что авиакомпания увольняла работников за то, что они осуществили фиктивные разводы со своими супругами с целью получения доступа к пенсионным пособиям пилотов (бывшие супруги вели себя не так, как подобает при расторжении брака, продолжали сожительство, вступили в повторный брак вскоре после получения единовременной выплаты и, по сути, вели себя так, как будто развода никогда не было)¹³.

Весьма частым поводом для фиктивного расторжения брака оказывается потребность в сокрытии доходов, нажитых противоправными способами, и предотвращении утраты имущества, используемого одним из супругов

в предпринимательской деятельности¹⁴, как по требованиям кредиторов, так и при объективизации негативных коммерческих рисков. Действительно, в России можно обнаружить немало судебных дел, подтверждающих указанную практику использования записи о расторжении брака, когда, к примеру, недвижимое имущество сотрудников органов внутренних дел оформляется на имя сожителя, с которым предварительно был осуществлен фиктивный развод¹⁵, или когда предприниматели, привлеченные к уголовной ответственности, с помощью фиктивного расторжения брака «спасают» имущество от претензий кредиторов¹⁶.

Несмотря на высокую степень распространенности случаев фиктивного расторжения брака, российское семейное законодательство, сообразно эмиграционным нормативным актам ряда зарубежных стран, дает исключительно понятие фиктивного брака.

В соответствии с п. 1 ст. 27 Семейного кодекса РФ фиктивным признается брак, если супруги или один из них зарегистрировали его «без намерения создать семью». Аналогичным образом фиктивность брака как брака «без желания вести совместную жизнь» определяется в ст. 117 Закона Австрии «О полиции по делам иностранцев» (в качестве наиболее жесткой меры наказания за заключение фиктивного брака данный Закон предусматривает лишение свободы сроком до трех лет)¹⁷. В свою очередь, согласно Закону об иммиграции и гражданстве США (INA), SEC. 275 (8 U.S.C 1325)¹⁸ фиктивным (и наказуемым лишением свободы на срок до пяти лет либо штрафом в размере до 250 тыс. долл.) браком считается любой брак, который был заключен «с единственной целью

⁹ Caiyu L. Fake marriages and divorces are damaging traditional values: experts // URL: <https://www.globaltimes.cn/page/201707/1054531.shtml> (дата обращения: 01.02.2024).

¹⁰ Тарусина Н. Н., Сочнева О. И. О фиктивности в семейно-правовой сфере // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 6. С. 78–84.

¹¹ Решение Центрального районного суда города Хабаровска от 31.05.2011 № 2-3447/2011.

¹² Keeley G. Spanish parents faking divorce to get children into best schools // URL: <https://www.theguardian.com/world/2008/mar/19/spain1> (дата обращения: 01.02.2024).

¹³ Willick M. Sh. 'Sham divorces', civil rights and family law experts // Nevada Family Law Report. 2010. Vol. 23. Iss. 2. P. 16.

¹⁴ Коголовский И. Р. Фиктивные состояния в семейном праве // Юрист. 2008. № 5. С. 20–23.

¹⁵ Апелляционное определение Верховного Суда Республики Башкортостан от 25.04.2019 № 33-8482/19.

¹⁶ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 20.07.2015 № Ф06-14543/2013.

¹⁷ URL: <https://www.ris.bka.gv.at/Dokument.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Dokumentnummer=NOR40128880> (дата обращения: 01.02.2024).

¹⁸ URL: <https://www.justice.gov/archives/jm/criminal-resource-manual-1948-marriage-fraud-8-usc-1325c-and-18-usc-1546> (дата обращения: 01.02.2024).

обойти закон». При этом вопрос о понятии, признаках и последствиях фиктивного развода остается открытым как правовой пробел. Более того, пробельной оказывается и доктринальная проработка данного вопроса, поскольку, как это отмечается в литературе, фокус научного исследования сконцентрирован на нормативно квалифицированных фиктивных браках, в то время как фиктивные разводы становятся предметом самостоятельных научных исследований крайне редко¹⁹.

Исходя из того, что фиктивные браки и фиктивные разводы являются «по модулю» существенно сходными правовыми явлениями, различаясь только «полюсом» (фиктивный брак не нацелен на создание семьи, а фиктивный развод не преследует ее прекращение, фиктивный брак обычно не связан с совместным проживанием и ведением общего хозяйства супругов, а фиктивный развод, как правило, предполагает сохранение и того, и другого), напрашивается научная гипотеза, что последствия порочности (неистинности) каузы расторжения брака должны быть также «по модулю» аналогичны последствиям фиктивного брака.

В частности, если опираться на нормы ст. 27 и 28 Семейного кодекса РФ о признании судом фиктивного брака недействительным (соответствующее требование может предъявить прокурор либо супруг, не знавший о фиктивности брака), естественным и логически выводимым выглядит предположение, что в порядке аналогии закона (в соответствии со ст. 5 Семейного кодекса РФ не урегулированные законом отношения членов семьи подлежат оценке на основе норм, регулирующих сходные отношения) возможно признать недействительным расторжение брака, если соответствующий акт был осуществлен без действительного намерения прекратить брачное отношение (аннулировать юридически скрепленную семейную связь).

Данное предположение нуждается в оценке на предмет практической применимости и доктринальной обоснованности.

Дискуссия

Довольно часто решение одних экономических проблем супругов путем фиктивного «выключе-

чения» правовых последствий брака и «включения» юридического состояния фактических (не облеченных в легальную оболочку) брачных отношений вызывает побочные (в том числе экономически отрицательные) эффекты. По этой причине анализ правоприменительной практики сообразно выдвинутой гипотезе обнаруживает, что совершившие формальное расторжение брака фактические супруги пытаются с опорой на аналогию «откатить» фиктивный развод назад к правовому режиму зарегистрированного брака, ссылаясь на недействительность развода. Однако, как можно увидеть, суды занимают весьма уклончивую позицию по вопросу о квалификации развода без намерения прекращения брачных отношений. В большинстве случаев суды констатируют отсутствие такого сомнительного понятия, как «фиктивный развод», в нормах действующего законодательства²⁰, избегают юридической оценки аргументов об аналогии недействительности фиктивных браков и разводов либо формально указывают на отсутствие юридического механизма признания развода недействительным.

Например, имела место ситуация, когда супруги (россияне), зная о практике оказания Израилем государственной помощи одиноким женщинам с детьми, перед выездом в эту страну для проведения супруге сложной медицинской операции и длительного пребывания фиктивно расторгли брак. Затем, возвратившись в Россию, данные лица продолжили совместную семейную жизнь, но регистрацию брака не восстановили. В результате возник спор о правовом режиме расходов, понесенных одним из супругов для строительства жилого дома, оформленного на имя другого супруга. Ссылаясь на фиктивность расторжения брака, супруг, понесший указанные расходы, предпринял попытку убедить суд в применении режима общей собственности супругов. Однако суд констатировал, что лица, не находящиеся в зарегистрированном браке, обретают имущество в индивидуальную собственность и несут свои расходы самостоятельно²¹.

В другом сходном случае после формального расторжения брака, осуществленного в целях реализации приватизационных возможностей матерью одного из супругов, супруги продолжили жить одной семьей на протяжении 20 лет,

¹⁹ Ульбашев А. Х. О фиктивном разводе // Семейное и жилищное право. 2019. № 3. С. 18–21.

²⁰ Апелляционное определение Калининградского областного суда от 09.10.2013 № 33-4405/2013.

²¹ Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 23.01.2015 № 33-511/2015.

а после смерти мужа жена столкнулась с проблемой наследования общего (как она полагала) имущества, оформленного на имя мужа. Суды обратили внимание на то, что положения ст. 34 Семейного кодекса РФ о правах на имущество, нажитое супругами во время брака, распространяются только на правоотношения лиц, находящихся в зарегистрированном браке, а потому отвергли доводы о фиктивности развода и указали, что продолжительность совместного проживания (факт сохранения семьи после развода) не влияет на возникновение права на наследование²².

Далее, при наличии неоспоренного (действительного) решения суда о расторжении брака суд не принял во внимание доказательства фиктивной цели развода, отказался проводить аналогию между немаритальным сожительством и родственными отношениями и не подтвердил право бывшей жены на получение пенсии по случаю потери кормильца, которое, как акцентировал суд, возникает только у законного супруга умершего, брак с которым был зарегистрирован в установленном порядке²³.

Обращает на себя внимание то, как при оценке заявления о фиктивности расторжения брака, предъявленного одним из бывших супругов для вступления в наследство после смерти другого бывшего супруга, суд подчеркнул, что порядок и основания для признания расторжения брака фиктивным в законодательстве отсутствуют, а потому учесть данное заявление при принятии решения суд не имеет права²⁴. Одной из аналогичных вариаций подобной оценки (когда иск бывшего супруга нацеливается не на последствия фиктивного развода, а на сам фиктивный развод) выступает суждение суда о том, что такого способа защиты семейных прав, как признание расторжения брака фиктивным и аннулирование записи акта о расторжении брака, действующее законодательство не предусматривает²⁵.

Следует отметить и такой судебный подход, при котором фактически отрицается сама возможность квалификации фиктивности расторжения брака. Регистрируя расторжение брака с особой (не нацеленной на реальное прекращение брачных уз) целью, супруги не могут не

понимать, что одновременно с достижением этой побочной цели они оказываются вне юридического состояния законного зарегистрированного брака. Соответственно, если такие формально посторонние лица впоследствии не обратились вновь за официальной регистрацией их брачных отношений, развод, по мнению суда, нельзя назвать фиктивным²⁶.

Особый интерес представляет ситуация, когда вопрос о фиктивности развода перед судом был поставлен кредитором в деле о банкротстве должника, который прекратил свое брачное состояние и оградил тем самым имущественную базу бывшего супруга от солидарного взыскания по своим долгам. Специфика аргументации заявления кредитора состояла в том, что он указывал не на порочность записи о регистрации расторжения брака как таковой, а на недействительность договоренности супругов по изменению своего семейно-правового статуса по аналогии с недействительностью мнимых гражданско-правовых сделок (согласно ст. 170 Гражданского кодекса РФ сделка, совершенная лишь для вида, без намерения создать соответствующие ей правовые последствия, т.е. мнимая сделка, является ничтожной).

По утверждению кредитора, волеизъявление супругов о расторжении брака не совпало с их истинной волей, состоявшей в перераспределении между собой имущественной массы и сокрытии от кредиторов имущества одного из них, признанного впоследствии банкротом. Суд и в этой ситуации подошел к оценке фиктивности развода строго формально и указал, что, исходя из системного толкования норм семейного права (о браке) и гражданского законодательства (о сделках), действия по поводу заключения и расторжения брака не являются гражданскими сделками и не направлены на возникновение гражданских правоотношений, а оценка фиктивности брака не входит в полномочия арбитражного суда в деле о банкротстве. При этом суд обратил внимание на то, что семейное законодательство нормативно не предусматривает саму возможность признания расторжения брака недействительным. Примечательно, что суд отметил и то, что расторжение брака само по себе не препятствует

²² Апелляционное определение Саратовского областного суда от 12.05.2015 № 33-2270.

²³ Кассационное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 15.11.2010 № 33-3726.

²⁴ Решение Пушкинского городского суда Московской области от 26.05.2015 № 2-114/2015.

²⁵ Решение Черемушкинского районного суда города Москвы от 05.04.2016 № 2-2661/2016.

²⁶ Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 19.11.2015 № 33-17501/2015.

поддержанию дружеских отношений между бывшими супругами в последующем, а продолжение совместной заботы об общих детях и вовсе остается их законной обязанностью²⁷.

Важно подчеркнуть, что встречающиеся в практике судебные акты об аннулировании записи о расторжении брака основаны не на установлении несоответствия истинной воли супругов их волеизъявлению, а на выявлении пороков их воли или волеизъявления²⁸ (когда супруги вовсе не подписывали заявление о прекращении брака, когда была нарушена установленная государственно-правовая процедура регистрации развода, когда решение суда либо регистрирующего органа о прекращении брака было сфальсифицировано и т.п.). Как верно отмечено в литературе, здесь речь идет не о признании недействительным юридического брачного состояния, а о применении специального способа защиты — оспаривания государственного акта, фиксирующего такое состояние²⁹.

Оценивая направленность указанной правоприменительной практики, можно в целом сделать вывод, что напрашивающаяся научная гипотеза об аналогии последствий фиктивных браков и фиктивных разводов в целом не подтверждается. Некоторые ученые не без оснований связывают подобное положение дел с тем, что применению аналогии закона в данной специфической сфере препятствует ограниченность возможностей аналогического переноса норм о недействительности фиктивного брака в контексте необходимости дифференцированной санации имущественных и личных неимущественных компонентов брачных отношений³⁰. В итоге следует подтвердить высказывания тех практикующих юристов, которые утверждают, что в силу «неизвестности» понятия «фиктивный развод» российскому семей-

ному законодательству доказать фиктивный характер прекращения брачно-семейных отношений «практически невозможно»³¹.

Вместе с тем в российской судебной практике встречаются отклоняющиеся от общего правоприменительного вектора редкие решения, определяемые в науке как «необычные»³², которые по аналогии с правовым «умерщвлением» фиктивного брака юридически «воскрешают» (для целей восстановления супругов в сопутствующих браку правоотношениях) брачное состояние по мотиву фиктивности его прекращения.

В качестве примера можно привести следующий случай. Мужчина и женщина состояли в зарегистрированном браке и воспитывали общего ребенка. В какой-то момент они фиктивно расторгли брак с целью сохранения за супругой места в списке претендентов на получение в ипотечном агентстве субсидии на приобретение жилья. После этого в результате дорожно-транспортного происшествия бывший супруг погиб по вине другого участника аварии. Подтвердив в судебном заседании, что после фиктивного развода в действительности супруги продолжили проживать совместно одной семьей, растить сына и вести совместный бюджет, супруга убедила суд в праве на получение с виновника гибели ее мужа возмещения расходов на погребение и компенсацию морального вреда³³.

Далее, вопреки общепринятому правоприменительному подходу, имела место ситуация, когда после смерти одного из супругов, фиктивно (лишь для видимости) расторгнувших брак, суд признал за оставшимся (юридически — бывшим) супругом право на получение пенсии по случаю потери кормильца (хотя на такую пенсию могут легально претендовать только зарегистрированные супруги). Суд отме-

²⁷ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.02.2020 № 17АП-12636/2017(6)-АК.

²⁸ Темникова Н. А. Аннулирование записи акта гражданского состояния о расторжении брака // Семейное и жилищное право. 2018. № 4. С. 16–19.

²⁹ Низамиева О. Н. Соотношение иска о признании недействительным акта гражданского состояния и требования об аннулировании актовой записи // Вестник гражданского процесса. 2021. № 6. С. 140–153.

³⁰ Тарусина Н. Н., Сочнева О. И. Указ. соч.

³¹ URL: <https://rb.ru/article/kak-grajdane-obmanyvayut-gosudarstvo-s-pomoshhyu-fiktivnogo-razvoda/7386767.html> (дата обращения: 01.02.2024).

³² Ильина О. Ю. Судебное решение как основание возникновения семейных прав и обязанностей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. С. 13–17.

³³ Решение Нижневартовского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 14.01.2016 № 2-40/2016.

тил отсутствие в законе норм о порядке признания развода фиктивным, но счел правомерным применить в порядке аналогии закона нормы ст. 27 Семейного кодекса РФ о недействительности фиктивных браков³⁴.

В сходном деле суд, сославшись на аналогию закона (ст. 5 Семейного кодекса РФ) и норму, регулирующую сходные с пробельными правоотношения (ст. 27 Семейного кодекса РФ), применил к имуществу лиц, оформивших развод фиктивно (для целей облегченного получения супругой статуса беженца, а впоследствии — гражданства США), режим общей собственности супругов³⁵.

Еще один уникальный в рассматриваемом аспекте казус состоял в том, что при подтвержденной доказательствами фиктивности расторжения брака (после развода бывшие супруги проживали вместе, любили друг друга, жена не меняла фамилию на добрачную) суд признал законным подзахоронение бывшей жены в могилу с бывшим супругом³⁶.

В свете таких примеров, принимая во внимание, что цели фиктивных разводов почти всегда противозаконны³⁷ и направлены против интересов государства и общества³⁸, в науке высказано предложение по аналогии с законодательством некоторых зарубежных стран добавить в Семейный кодекс РФ специальную нормативную конструкцию фиктивного развода, фиксирующую определение, признаки и последствия фиктивного расторжения брака³⁹. В частности, подобная легальная конструкция предусмотрена в ст. 108 Семейного кодекса Украины от 10.01.2002 № 2947-II: «По заявлению заинтересованного лица расторжение брака может быть признано судом фиктивным,

если будет установлено, что женщина и мужчина продолжали проживать одной семьей и не имели намерения прекратить брачные отношения; на основании решения суда актовая запись и свидетельство о расторжении брака аннулируются органом государственной регистрации актов гражданского состояния»⁴⁰.

Думается, что предложенная нормативная конструкция не может быть поддержана для имплементации в российское законодательство, главным образом потому, что не отвечает наблюдаемой не только в России, но и в западных зарубежных странах тенденции к абсолютизации права на развод, при которой приоритетным становится принцип свободы брака, а «фиктивный образ», напротив, обретает принцип укрепления семьи, основанной на браке⁴¹. Так, если вполне обычным мировым явлением выступает то, что любой супруг в одностороннем порядке может получить развод по первому требованию⁴², то право во всякое время немотивированно расторгнуть брак по обоюдному желанию супругов незыблемо а fortiori. При таких обстоятельствах восстановление фиктивно расторгнутого брака (особенно — по заявлению неких заинтересованных лиц) предстает как принуждение к браку.

Более того, если исходить из того, что фиктивное правовое состояние — это отношение, укладываемое в рамки требований закона по форме, но противоречащее закону по содержанию⁴³, то понятие фиктивного брака вполне соответствует такому определению, поскольку формально зарегистрированный брак без намерения создать семью не отвечает легальным признакам брака по существу. В свою очередь, предлагаемое к нормативному закреплению

³⁴ Решение Мичуринского городского суда Тамбовской области от 10.10.2018 № 2-1493/2018.

³⁵ Решение Центрального районного суда города Тольятти от 23.07.2012 № 2-2840/2012.

³⁶ Апелляционное определение Пензенского областного суда от 13.12.2016 № 33-4472.

³⁷ *Филимонова И. В.* Фиктивный развод как разновидность фиктивных семейно-правовых состояний // Политика, государство и право. 2014. № 11 (35). С. 52–58.

³⁸ *Marhesinis B., Unberath H., Johnson A.* The German Law of Contract. A Comparative Treatise / Forewords by Lord Bingham, G. Hirsch. 2nd ed. Oxford, 2006. P. 248.

³⁹ *Лагунова Е. А.* Фиктивный брак и фиктивный развод: вопросы теории и практики // Сибирский юридический вестник. 2019. № 2. С. 51–56.

⁴⁰ URL: <https://ips.ligazakon.net/document/T022947?an=1275> (дата обращения: 01.02.2024).

⁴¹ *Беспалов Ю. Ф.* Право справедливости и российская семья: социально-правовой аспект // Семейное и жилищное право. 2019. № 2. С. 6–11.

⁴² *Rivlin R.* The Right to Divorce: Its Direction, and Why It Matters // International Journal of the Jurisprudence of the Family. 2013. Vol. 4. P. 133–157.

⁴³ *Смиренская Е. В., Анисимов А. П.* Правовое противодействие фиктивным бракам в России: тенденции и перспективы // Семейное и жилищное право. 2021. № 6. С. 19–22.

понятие фиктивного развода указанному подходу не соответствует, так как закон не связывает с расторжением брака такой признак, как намерение прекратить семейную связь. Иными словами, поскольку закон нейтрально относится к квалифицированному (осознанному, намеренному) немаритальному сожительству, не заставляя партнеров оформлять (официально регистрировать) фактические брачные отношения, постольку цели реализации права на расторжение брака для сферы семейного-правового регулирования должны быть юридически безразличны.

Конечно, в контексте общеправового принципа добросовестности и недопустимости злоупотребления правом, а также в русле нормы ст. 7 Семейного кодекса РФ о предоставлении гарантий охраны семейных прав только при их осуществлении в соответствии с их назначением следует принципиально допускать судебное аннулирование тех последствий (льгот, выгод и преимуществ), на которые нацеливались недобросовестные супруги при осуществлении фиктивного развода, а также игнорирование фиктивности прекращения брака при определении правового режима сопутствующих разводу последствий. Действительно, одно дело, к примеру, планировать налоговые последствия развода, что можно считать обычной, нормальной практикой⁴⁴, и совсем другое — пытаться неправомерно минимизировать (агрессивно оптимизировать) семейные налоги посредством фиктивного расторжения брака.

Однако для борьбы с такого рода семейно-правовыми злоупотреблениями отнюдь не требуется восстанавливать семейно-правовую брачную связь. Подобно тому как различаются фиктивный брак (недействительный брак, единственная цель которого побочна и неправомерна) и брак по расчету (действительный (подлинный) брак с правомерной целью создания семьи и недействительными побочными последствиями, на которые брачующиеся нацеливались приоритетно)⁴⁵, представляется возможным сохранять валидность развода, а побочный неправомерный (обходящий закон) результат, на который в обход был направлен

расчет фиктивного поведения супругов, может быть признан нелегитимным.

В качестве примера реализации именно такого подхода можно привести случай, когда служащий управления Федеральной службы безопасности России фиктивно расторг брак с целью получения жилого помещения по договору социального найма за счет органа безопасности. Рассмотрев заявление служащего, жилищная комиссия постановила, что при расчете и предоставлении заявителю соответствующей жилищной субсидии подлежит учету как приходящаяся на него часть жилой площади, которую занимает его бывшая супруга. В споре между данным гражданином и жилищной комиссией о законности указанного решения суд поддержал жилищную комиссию. При этом суд воздержался от констатации недействительности фиктивного расторжения брака, а обосновал судебный акт отсылкой к положениям закона о недопустимости злоупотребления правом⁴⁶.

Отмеченные выше необычные казусы, в которых суды все-таки поддержали идею недействительности фиктивности развода, не отвергают вывод о недопустимости признания разводов фиктивными во всех случаях, а не только когда произошел реальный распад семьи. Эти акты примечательны тем, что суды посчитали допустимым провести аналогию между недействительностью фиктивного брака и фиктивного развода, аннулируя лишь негативный побочный результат формального (видимого) изменения семейно-правового статуса супругов. Как резонно представить, в данных случаях суды отнюдь не стремились отклониться от общего устремления правовой системы к противодействию недобросовестному фиктивному поведению. Решающую роль в определении данных судебных актов сыграло не столько установление существенного сходства фиктивных браков и разводов, сколько согласие суда легализовать состоявшееся внутрисемейное (мировое) урегулирование имущественного вопроса (как в случаях с подзахоронением в могилу супруга либо участием в наследовании его имущества) либо стремление обеспечить

⁴⁴ Willis S. J. Family Law Economics, Child Support and Alimony Ruminations on Income: Part One // Florida Bar Journal. 2004. Vol. 78. No. 5. P. 34.

⁴⁵ Briddock A. It's a sham? The changing definition of marriage of convenience // Counsel. 2018. URL: <https://www.counselmagazine.co.uk/articles/it%E2%80%99s-sham-the-changing-definition-of-marriage-of-convenience> (дата обращения: 01.02.2024).

⁴⁶ Решение Центрального районного суда города Хабаровска от 05.09.2016 № 2-6445/2016.

прямое действие основных начал семейного законодательства (как в случае с назначением пенсии по случаю смерти мужа, при отсутствии которой супруга лишилась бы средств к существованию). Фактически данные судебные решения являют собой примеры определения применимого правила поведения не по конкретным нормам (ввиду отсутствия таковых), а по так называемому общему принципу права (*analogia iuris*)⁴⁷, когда аналогия предстает как средство обращения к духу закона и способ осуществлять защиту семейных прав даже в тех случаях, когда семейное законодательство не предусматривает специальных защитных инструментов. Столкнувшись с действительно уникальными семейными ситуациями, суды смогли *extra legem* (за пределами закона, но внутри права) избежать формализма и с опорой на аналогию права принять справедливые и гуманные решения.

Заключение

Таким образом, можно констатировать наличие действительного нормативного пробела в отно-

шении регулирования понятия, признаков и последствий фиктивных разводов, обусловленных стремлением супругов получить экономические выгоды обходным путем.

На сегодняшний день отсутствуют доктринальные основания для применения правовых норм о фиктивном браке по аналогии к отношениям его фиктивного расторжения. Поэтому необходимо считать недопустимым признание разводов недействительными по мотиву фиктивности во всех случаях, а не только когда произошел реальный распад семьи.

Следует позитивно оценить научно и практически обоснованное воздержание законодателя от непосредственного нормативного определения критериев состояния в разводе помимо его официального оформления.

Ситуационность как черта метода семейного права, базирующаяся на возможности и необходимости применения аналогии права, позволяет поддерживать превенцию злоупотребления правом и устранять необоснованные выгоды, льготы и преимущества, полученные в результате недобросовестного поведения фиктивно разводящихся супругов, не восстанавливая брак.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов В. М., Рельев А. Г. Общеправовой феномен «обход закона»: понятие и соотношение со смежными явлениями // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 5. С. 39–46.
- Беспалов Ю. Ф. Право справедливости и российская семья: социальный-правовой аспект // Семейное и жилищное право. 2019. № 2. С. 6–11.
- Ильина О. Ю. Судебное решение как основание возникновения семейных прав и обязанностей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. С. 13–17.
- Коголовский И. Р. Фиктивные состояния в семейном праве // Юрист. 2008. № 5. С. 20–23.
- Корнилова Т. В., Федорова А. В. Фиктивный брак как способ незаконной миграции // *Ius Publicum et Privatum* : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2022. № 4 (19). С. 87–96.
- Лагунова Е. А. Фиктивный брак и фиктивный развод: вопросы теории и практики // Сибирский юридический вестник. 2019. № 2. С. 51–56.
- Низамиева О. Н. Соотношение иска о признании недействительным акта гражданского состояния и требования об аннулировании актовой записи // Вестник гражданского процесса. 2021. № 6. С. 140–153.
- Смирнская Е. В., Анисимов А. П. Правовое противодействие фиктивным бракам в России: тенденции и перспективы // Семейное и жилищное право. 2021. № 6. С. 19–22.
- Танимов О. В. Развитие фикций в Новейшее время (опыт России) // История государства и права. 2014. № 16. С. 52–56.
- Тарусина Н. Н., Сочнева О. И. О фиктивности в семейно-правовой сфере // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 6. С. 78–84.
- Темникова Н. А. Аннулирование записи акта гражданского состояния о расторжении брака // Семейное и жилищное право. 2018. № 4. С. 16–19.

⁴⁷ Damele G. *Analogia Legis and Analogia Iuris: An Overview from a Rhetorical Perspective* // *Systematic Approaches to Argument by Analogy*. Argumentation Library / H. Ribeiro (ed.). 2014. Vol. 25. P. 243–256.

- Ульбашев А. Х. О фиктивном разводе // Семейное и жилищное право. 2019. № 3. С. 18–21.
- Филимонова И. В. Фиктивный развод как разновидность фиктивных семейно-правовых состояний // Политика, государство и право. 2014. № 11 (35). С. 52–58.
- Barham V., Devlin R., Yang J. A theory of rational marriage and divorce // *European Economic Review*. 2009. Vol. 53. P. 93–106.
- Briddock A. It's a sham? The changing definition of marriage of convenience // *Counsel*. 2018. URL: <https://www.counselmagazine.co.uk/articles/it%E2%80%99s-sham-the-changing-definition-of-marriage-of-convenience>.
- Caiyu L. Fake marriages and divorces are damaging traditional values: experts // URL: <https://www.globaltimes.cn/page/201707/1054531.shtml>.
- Damele G. Analogia Legis and Analogia Iuris: An Overview from a Rhetorical Perspective // *Systematic Approaches to Argument by Analogy*. Argumentation Library / H. Ribeiro (ed.). 2014. Vol. 25. P. 243–256.
- Keeley G. Spanish parents faking divorce to get children into best schools // URL: <https://www.theguardian.com/world/2008/mar/19/spain1>.
- Marhesinis B., Unberath H., Johnson A. The German Law of Contract. A Comparative Treatise / forewords by Lord Bingham, G. Hirsch. 2nd ed. Oxford, 2006.
- Marriage and divorce: A genetic perspective / B. A. Jerskey, M. S. Panizzon, K. C. Jacobson [at al.] // *Personality and Individual Differences*. 2010. Vol. 49. Iss. 5. P. 473–478.
- Rivlin R. The Right to Divorce: Its Direction, and Why It Matters // *International Journal of the Jurisprudence of the Family*. 2013. Vol. 4. P. 133–157.
- Weiss Y. Family Theory: Economics of Marriage and Divorce // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. 2nd Ed. 2015. P. 829–834.
- Wemyss G., Yuval-Davis N., Cassidy K. «Beauty and the beast»: Everyday bordering and «sham marriage» discourse // *Political Geography*. 2018. Vol. 66. P. 151–160.
- Willick M. Sh. «Sham divorces», civil rights and family law experts // *Nevada Family Law Report*. 2010. Vol. 23. Iss. 2. P. 16.
- Willis S. J. Family Law Economics, Child Support and Alimony Ruminations on Income: Part One // *Florida Bar Journal*. 2004. Vol. 78. No. 5. P. 34.

REFERENCES

- Baranov VM, Repyev AG. General legal phenomenon «circumvent the law»: concept and relationship with related phenomena. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2023;5:39-46. (In Russ.).
- Barham V, Devlin R, Yang J. A theory of rational marriage and divorce. *European Economic Review*. 2009;53:93-106.
- Bespalov YuF. Law of equity and a russian family: a sociolegal aspect. *Family and Housing Law*. 2019;2:6-11. (In Russ.).
- Briddock A. It's a sham? The changing definition of marriage of convenience. *Counsel*. 2018. Available at: <https://www.counselmagazine.co.uk/articles/it%E2%80%99s-sham-the-changing-definition-of-marriage-of-convenience>.
- Caiyu L. Fake marriages and divorces are damaging traditional values: experts. Available at: <https://www.globaltimes.cn/page/201707/1054531.shtml>.
- Damele G. Analogia Legis and Analogia Iuris: An Overview from a Rhetorical Perspective. *Systematic Approaches to Argument by Analogy*. Ribeiro H (ed.). Argumentation Library. 2014;25:243-256.
- Filimonova IV. Fictitious divorce as a kind of fictitious family law states. *Politika, gosudarstvo i pravo*. 2014;11(35):52-58. (In Russ.).
- Ilyina OYu. Judgment as the basis of family rights and responsibilities. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2016;8:13-17. (In Russ.).
- Jerskey BA, Panizzon MS, Jacobson KC, Neale MC, Grant MD, Schultz M, Eisen SA, Tsuang MT, Lyons MJ. Marriage and divorce: A genetic perspective. *Personality and Individual Differences*. 2010;49(5):473-478.
- Keeley G. Spanish parents faking divorce to get children into best schools. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2008/mar/19/spain1>.
- Kogolovskiy IR. Fictitious states in family law. *Jurist*. 2008;5:20-23. (In Russ.).

- Kornilova TV, Fedorova AV. Fictive marriage as a method of illegal immigration. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*. 2022;4(19):87-96. (In Russ.).
- Lagunova EA. Fictitious marriage and divorce: theory and practice. *Siberian Law Herald*. 2019;2:51-56. (In Russ.).
- Marhesinis B, Unberath H, Johnson A. The German Law of Contract. A Comparative Treatise / forewords by Lord Bingham, G. Hirsch. 2nd ed. Oxford; 2006.
- Nizamieva ON. The correlation between lawsuit on recognition as invalid of the act of civil status and claim on annulment of civil act record. *Herald of Civil Procedure*. 2021;6:140-153. (In Russ.).
- Rivlin R. The Right to Divorce: Its Direction, and Why It Matters. *International Journal of the Jurisprudence of the Family*. 2013;4:133-157.
- Smirenskaya EV, Anisimov AP. Legal counteraction to sham marriages in Russia: trends and prospects. *Family and Housing Law*. 2021;6:19-22. (In Russ.).
- Tanimov OV. The development of fictions in Modern times (the experience of Russia). *History of the State and Law*. 2014;16:52-56. (In Russ.).
- Tarusina NN, Sochneva OI. About fictitiousness in the family legal sphere. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2015;6:78-84. (In Russ.).
- Temnikova NA. Cancellation of a civil record of marriage dissolution. *Family and Housing Law*. 2018;4:16-19. (In Russ.).
- Ulbashev AKh. On fictitious divorce. *Family and Housing Law*. 2019;3:8-21. (In Russ.).
- Weiss Y. Family Theory: Economics of Marriage and Divorce. International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. 2nd Ed. 2015.
- Wemyss G, Yuval-Davis N, Cassidy K. «Beauty and the beast»: Everyday bordering and «sham marriage» discourse. *Political Geography*. 2018;66:151-160.
- Willick Marshal S. «Sham divorces», civil rights and family law experts. *Nevada Family Law Report*. 2010;23(2):16.
- Willis SJ. Family Law Economics, Child Support and Alimony Ruminations on Income: Part One. *Florida Bar Journal*. 2004;78(5):34.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Микрюков Виктор Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
vmikryukov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktor A. Mikryukov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
vmikryukov@yandex.ru

*Материал поступил в редакцию 2 февраля 2024 г.
Статья получена после рецензирования 7 февраля 2024 г.
Принята к печати 15 мая 2024 г.*

*Received 02.02.2024.
Revised 07.02.2024.
Accepted 15.05.2024.*